

ПРОЦЕСС ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ И АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Чевтаева Елизавета Дмитриевна

студент, Санкт-Петербургский Государственный Институт Кино
и Телевидения,
РФ, г. Санкт-Петербург

В 1965-м году Юлий Даниэль и Андрей Синявский были арестованы КГБ. Поводом для задержания стало вскрытие факта того, что писатели публиковали свои работы за рубежом под псевдонимами «Николай Аржак» (Даниэль) и «Абрам Терц» (Синявский). Там они переводились на иностранные языки, публиковались, распространялись и имели определенный успех. Публикация текстов на территории Советского Союза была невозможна из-за цензуры. Писателям были предъявлены обвинения по статье 70 уголовного кодекса РСФСР – Антисоветская агитация и пропаганда (при Сталине, скорее всего, это была бы 58-я статья об измене).

Даниэля обвиняли в создании повестей «Искупление», «Говорит Москва» и рассказов «Человек из МИНАПа», «Руки». Синявский был обвинен в написании статьи «Что такое социалистический реализм» и повестей «Любимов» и «Суд идет».

Данные публикации, по мнению обвинения, порочили советский государственный и общественный строй.

Кроме того, Андрею Донатовичу вменялась в вину отправка собственных работ и рукописей Даниэля (а так же некоторых текстов А. Ремизова, которого, однако, к делу привлекли в качестве свидетеля). Публикация произведений за рубежом стала возможна благодаря знакомству и сотрудничеству Синявского с Элен Пельтье-Замойской, дочерью французского дипломата.

КГБ долго занимался поисками и пытался установить настоящие личности Аржака и Терца. Публицисты понимали, что их арест – вопрос времени. Синявский впоследствии говорил о том, что они с женой готовились к нему за десять лет, просто старались оттянуть этот момент.

Однако, все равно, задержание произошло неожиданно – среди бела дня, когда он направлялся в МХАТ, где преподавал в то время, на лекцию. Даниэля задержали спустя четыре дня в аэропорту Внуково.

Даниэль считал реальной опасностью установления нового культа личности на рубеже 50-х и 60-х годов. В повести «Говорит Москва» он поднял действительно волнующую его проблему закоренелого страха в сердцах советских людей. По сюжету компания молодых людей, отдыхая летом на даче, слышит по радио неожиданное заявление: десятое августа объявляется «днем открытых убийств», гражданам разрешается безнаказанно убивать подобных себе людей, разумеется, с некоторыми исключениями – запрещено убийство военнослужащих, детей, не достигших шестнадцатилетия, работников транспорта и милиции, а так же насилие и грабеж. Герои, а вместе с ними и читатель, после этого долго пытаются осмыслить возможность этого события, возможность принятия такого решения властями, и не могут. Даниэль, как и Синявский прошедший через войну, но, в отличие от друга, заставший более жестокую его сторону и получивший ранение, как никто понимал ценность человеческой жизни. Потому и представляется для него невозможным мир, где «открытые убийства» - реальность. А именно таковой представлялась ему реальность в эпоху сталинизма. По этой причине так важно для писателя было высказаться против подобного беспредела, против убийства человеком подобного себе.

Синявский в рассказе «Суд идет» высказывается против убеждения «цель оправдывает средства». Герои этого произведения не видят всей низости путей, которыми добиваются до заданных точек, в то время как автор убежден в том, что для достижения высоких целей необходимо избирать высокие, то есть благородные, средства. «Ты одно пойми: главное — великая цель наша. Ею все и мерь — от Шамиля до Кореи. Этой целью любые средства освещены, все жертвы оправданы» - говорит сыну Сереже главный герой Владимир Глобов.

Марина мечтает сохранить молодость, Карлинский мечтает показать Марине свое превосходство над ней, Терц мечтает открыть глаза читателей на истинную сущность поступков персонажей.

Даниэль и Синявский в своих публикациях создавали персонажей, с которыми не ассоциировали себя, но на примере которых показывали образы и мысли, которые считали неверными, даже преступными. Однако именно в следовании подобным идеям их и обвинили. Синявского, к примеру, называли антисемитом. Писатели и адвокаты говорили о том, что нельзя путать литературных персонажей и авторов, нельзя авторам приписывать слова и мнения героев произведений.

Это был первый открытый политический процесс в СССР, когда обвиняемые с самого начала и до самого конца не признавали себя виновными. Это не могло не вызывать восхищения у сторонников обвиняемых. Как высказывался в дальнейшем Владимир Буковский, большинство будущих диссидентов, правозащитников и других решило тогда для себя следовать примеру Синявского и Даниэля. Таким образом, их стойкость стала прецедентом для последующих поколений диссидентов. По словам же самого Синявского, признание себя виновными стало бы убийством Терца и Аржака, а значит, стало бы и самоубийством для них с Даниэлем.

Особенностью данного процесса так же можно назвать наличие именных билетов для посещения заседаний – для каждого нового заседания новый цвет билета. Таким образом, суд был открытым, но только для тех 100 – 150-и человек, кому доставались билеты, на каждом заседании присутствовали, пожалуй, только жены подсудимых.

То, что произошло, вызвало непривычно мощный интерес и переживания общественности. Выступать в качестве защиты на суде вызывались видные деятели науки и культуры, свои услуги предлагал Вячеслав Иванов, утверждавший, что, после прочтения работ обвиняемых, не обнаружил в них ничего, что могло бы стать поводом для преследования и возбуждения судебного процесса. Он старался разъяснить обвиняющей стороне особенности художественного языка писателей, особенности повествования в сказе (а именно в такой форме было, по его словам, написано большинство работ Терца). Иванов в очередной раз старался доказать, что личности героя, от лица которого ведется повествование, не совпадает с личностью автора, а это значит, что нельзя приписывать Синявскому и Даниэлю ни мысли, ни поступки, ни слова героев их произведений. Не помогало ничего. Корней Иванович Чуковский и Константин Георгиевич Паустовский направляли в суд положительные отзывы о творчестве подсудимых. Это тоже не возымело успеха.

Даже осуждение со стороны деятелей мировой литературы и международных творческих ассоциаций не повлияло на ход процесса и его исход.

Конечно, количество людей, считавших Синявского и Даниэля виновными, было велико, мнения разделились. Шолохов довольно резко высказывался против осужденных, правда, уже после вынесения приговора: они, по его словам, настоящие антисоветчики, аморальные, заслужившие наказания в полной мере за то, что так гнусно «оболгали» и «облили грязью» Родину.

С другой стороны, в ответ на обвинения Шолохова, последовало открытое письмо Лидии Чуковской. Она писала о том, что литература неподвластна юридическим законам, и ее не должно судить по статьям, что речь Михаила Александровича позорна. Шолохов выступал как представитель советской литературы, Чуковская же своим публичным обращением показала, что не все писатели солидарны с ним в этих суждениях. Подтвердить данную точку зрения можно так же вспомнив «Письмо старому другу» Варлама Шаламова, где он, опять же, поддерживает Даниэля и Синявского. Так называемое «Письмо 62-х» было написано с целью взять писателей «на поруки», дабы они могли «искупить причиненный их промахами вред». Обращение было подписано многими известными литераторами, к примеру, Б. А. Ахмадулина, В. А. Каверин, Б. Ш. Окуджава, А. А. Тарковский, К. И. Чуковский, И. Г. Эренбург и другие. Подобная солидарность была необычна для сталинского и даже хрущевского времени – так называемой «оттепели». Именно это событие для некоторых знаменовало конец этой самой оттепели. Процесс получил широкую огласку, вызвал в кругах интеллигенции тревогу и стал некоей отправной точкой диссидентского движения в СССР.

Пятого декабря 1965 года, в День Конституции СССР, состоялся первый митинг гласности. Это действительно стало первой политической демонстрацией в послевоенном Советском Союзе. Инициатором и организатором ее стал сын Сергея Есенина – Александр Есенин-Вольпин. Были напечатаны листовки с «Гражданским обращением», которые распространялись в ВУЗах Москвы. Главным требованием стал открытый судебный процесс, поскольку «за закрытыми дверями творятся беззакония».

Люди собрались на Пушкинской площади в 18:00, их было около двухсот.

Вот что пишет об этом событии В. Буковский:

«Несколько десятков человек ... сняли шапки и молча простояли минут пять. Так решили собираться каждый год, чтобы почтить память жертв произвола» [3].

Возле памятника Пушкину заранее были собраны сотрудники КГБ, которые за несколько минут разогнали митингующих, которые даже не успели развернуть плакаты с призывами уважать советскую Конституцию и сделать судебный процесс Синявского и Даниэля открытым. Около двадцати человек было задержано, однако, после допроса, они были отпущены.

Через несколько месяцев после демонстрации, в сентябре 1966-го, в уголовный кодекс была внесена статья 190.3, которая привычна нашему уху и сегодня, - организация или активное участие в групповых действиях грубо нарушающих общественный порядок.

Однако люди все равно продолжили собираться через год и вплоть до перенесения Дня Конституции на другую дату – 7 октября, это произошло в 1977-м году. В дальнейшем правозащитники начали выпускать газету «Хроника текущих событий», в которой описывали все случаи нарушения прав человека в СССР. При этом данная группа диссидентов работала не только в Москве, но и во всех крупных городах страны.

Летом – осенью 1966-го года молодой журналист Александр Гинзбург составил документальный сборник, где объединил все найденные им материалы по делу Синявского-Даниэля. «Белая книга» включала в себя биографические данные осужденных, иностранные рецензии на их произведения, листовку, агитирующую выходить на «митинг гласности», материалы уголовного дела, репортажи из зала суда, коллективные письма и многое другое. Изначально Гинзбург разослал экземпляры рукописи депутатам верховного совета, КГБ, этим он пытался подчеркнуть то, что это общественно важная журналистская история. Не получив ответа, отправил текст за границу, где он был переведен на иностранные языки и опубликован. Впоследствии некоторые материалы из сборника были признаны антисовестскими на «процессе четырех». Гинзбург был осужден все по той же 70-й статье и приговорен к пяти годам тюремного срока.

Его сборник стал неким итогом процесса Синявского и Даниэля, наиболее полно отражающим реально происходившие события (насколько это было возможно).

Даниэль отбудет полный срок – 5 лет, выйдет и уедет в Калугу, будет публиковаться под псевдонимами. Синявский освободится досрочно – из положенных 7-и лет отсидит примерно пять, по приглашению профессора Клода Фриу эмигрирует во Францию, где продолжит писать под именем Терца. До реабилитации в 1991 году доживет только Синявский – Даниэль умрет тремя годами ранее.

В целом, можно назвать Синявского и Даниэля первыми диссидентами, теми, кто положил начало этому движению. Именно процесс над ними и последовавшие после этого события, определили направление диссидентского движения 60-х – 80-х годов.

По сути произведения осужденных писателей нельзя было назвать определенно антисоветскими или антинародными. Это было их протестом против сталинизма и его возможных рецидивов. Некое предостережение, но никак не призыв или политическая программа.